

*Посвящается Хилари,
которая для меня все*

ГЛАВА 1

Луна. Сияющая луна. Полная, толстая, красная луна. Ночь светла, как день, лунный свет льется на землю, неся радость, радость, радость. А еще гортанный зов тропической ночи, приятный и одновременно дикий голос ветра, с воем треплющего волосы, молчаливый вопль звездного света и зубовный скрежет лунного света там, внизу, у воды.

Все взывает к Жажде. О этот симфонический рев тысяч невидимых голосов, крик Жажды внутри тебя, сама суть, молчаливый наблюдатель, затаившееся холодное нечто, хохочущее и танцующее в лунном свете! Это сам я, который на самом деле не я, а тот, кто глумился и хохотал, а вот теперь зашелся от голода. От Жажды. А Жажда на сей раз очень сильна, будто свитая хладнокровной рукой спираль, потрескивающая от напряжения, готовая к прыжку, совершенно готовая... И все

же она ждет и наблюдает. И вместе с ней жду и наблюдаю я.

Я жду и наблюдаю за священником уже пять недель. Все это время Жажда колола, дразнила и гнала меня. Уже три недели я знаю, что именно он, он следующий, он и я — мы оба принадлежим Темному Пассажиру. Последние три недели я провел, борясь с натиском растущей Жажды. Она поднималась во мне ревущей волной, которая падает на берег, однако не отступает, а только с каждой секундой продолжает набухать.

Но мне требовалось время. Время, чтобы удостовериться. Нет, не убедиться, что священник — именно тот, в этом я был уверен уже давно. Удостовериться в том, что все можно сделать правильно, сработать четко. Мне нельзя попасться, во всяком случае сейчас. Я слишком долго трудился, чтобы позволить себе удовольствие сделать дело, не подвергая опасности свою скромную счастливую жизнь.

И мне слишком это нравится, чтобы вдруг остановиться.

Так что я всегда осторожен. Всегда аккуратен. Всегда заранее подготовлен, чтобы все было *правильно*. И когда все оказывается правильно, я трачу еще немного времени, чтобы

удостовериться. Так поступал Гарри, безупречный и дальнзоркий полицейский, мой приемный отец, благослови его Боже! Всегда будь уверен, будь осторожен, будь точен, говорил он. И вот уже неделя, как я уверен, что все правильно. Гарри понравилось бы.

Сегодня, уходя с работы, я знал: вот оно. Нынешняя ночь — именно та Ночь. Не такая, как другие. Этой ночью все и произойдет, должно произойти. Как бывало раньше. Так же, как будет еще и еще.

А сегодня это случится со священником.

Его зовут отец Донован. Он преподает детишкам музыку в приюте Святого Антония в Хомстеде, во Флориде. Дети любят священника. И конечно, он любит детей, очень любит. Он посвятил им всю жизнь. Выучил креольский и испанский. Освоил их музыку. Все для детишек. Что бы он ни делал — все для детишек. Все.

Сегодня вечером я наблюдаю за ним точно так же, как наблюдал много вечеров. Наблюдаю, как он выходит из приюта, останавливается и заговаривает с маленькой чернокожей девочкой, вышедшей вместе с ним. Ей не больше восьми лет, но и для этого возраста она кажется слишком маленькой. Отец Донован садится на ступеньку и говорит с ней. Девочка

тоже садится и начинает покачиваться взад-вперед. И так минут пять. Они смеются. Девочка льнет к священнику, а он гладит ее по головке.

Выходит монахиня и, прежде чем заговорить, на мгновение останавливается в дверном проеме. Улыбается и протягивает руку. Девочка жметесь к священнику. Отец Donovan обнимает ее, целует на прощание и встает. Монахиня, смеясь, что-то говорит отцу Donovanу. Тот что-то отвечает.

И идет в сторону машины. Наконец! Я приготовился и...

Пока рано. В пятнадцати футах от входа стоит минивэн приютского сторожа. Когда отец Donovan проходит мимо, раздвижная дверь открывается, из нее высовывается человек с сигаретой и здоровается со священником. Тот опирается на машину, они о чем-то разговаривают.

Везение. Снова везение. В такие ночи всегда везет. Я не видел человека, даже не догадывался, что он в минивэне. А вот он мог увидеть меня.

Я делаю глубокий вдох. Выдох — медленный и спокойный, я холоден как лед. Это мелочь. Кроме нее, я не упустил ничего. Я все сделал *правильно*, все и везде, как положено.

Сейчас!

Отец Донован снова направляется к своей машине, на заднем сиденье которой спрятался я. Оборачивается и что-то кричит. Сторож в ответ машет ему рукой, гасит сигарету и скрывается в здании приюта.

Везение. Снова везение.

Отец Донован находит ключи, открывает дверь и залезает в машину. Я слышу, как он вставляет ключ зажигания, как заводится двигатель. А потом...

СЕЙЧАС!

Я поднимаюсь на сиденье позади него и набрасываю удавку на шею. Всего одно быстрое скользкое движение — и петля рыболовной лески, рассчитанной на пятидесятифунтового тунца, точно ложится на место. А священник только слегка всхрапнул в панике — и все.

— Теперь ты мой, — произнес я, и он замер настолько четко, будто всю жизнь тренировался или вдруг услышал другой голос — того хохочущего наблюдателя внутри меня. — Делай в точности, что я скажу.

Он с хрипом втянул воздух и посмотрел в зеркало заднего вида. Мое лицо ждало его там, закрытое белой шелковой маской, только глаза видны.

— Понял? — спросил я, и шелк маски встрепенулся.

Отец Донован ничего не ответил. Только смотрел в глаза. Я затащил удавку чуть туже.

— Понял? — повторил я уже немного мягче.

На сей раз он кивнул. Дрожащей рукой потянулся к удавке, хотя и не знал, что будет, если попытается ослабить ее. Лицо священника багровело.

Я ослабил натяжение.

— Веди себя хорошо, — сказал я, — и проживешь дольше.

Отец Донован сделал глубокий вдох. Было слышно, как воздух ворвался в его легкие. Закашлялся, снова вдохнул. Однако сидел тихо и не делал попыток вырваться.

И это было хорошо.

Мы тронулись. Отец Донован выполнял мои указания, никаких шуток и колебаний. Мы поехали на юг, через Флорида-Сити, повернули на Кард-Саунд-роуд. Могу точно сказать, что священник занервничал, когда мы на нее свернули, но не проронил ни слова. Даже не попытался заговорить со мной; обе руки на руле сжаты так, что побелевшие костяшки пальцев готовы выскочить. И это тоже хорошо.

Мы проехали на юг еще минут пять. По-прежнему никаких звуков, кроме шуршания шин и песни ветра, да еще огромной луны, наполняющей мои вены своей могучей музыкой. Да осторожный Наблюдатель, тихонько посмеивающийся в тяжелой пульсирующей музыке ночи.

— Поверни здесь, — наконец сказал я.

Глаза священника взметнулись в зеркале навстречу моим. В них сверкала паника.

— Поверни здесь, — повторил я, и он повернул, но сник, как будто ожидал этого всю дорогу, готовился всю жизнь, и все же повернул.

Узкий проселок был едва виден. Чтобы здесь проехать, нужно знать, что он есть. И я знал. Я бывал тут раньше. Длинной грунтовка мили две с половиной: три поворота, по скошенной траве, через рощу, мимо небольшого канала, дальше в болото и на лесную поляну.

Пятьдесят лет назад кто-то построил здесь дом. Значительная его часть еще на месте. Судя по ней, дом был большим. Три комнаты и половина крыши сохранились, однако ясно, что люди уехали отсюда много лет назад.

Вот только в маленьком заброшенном огороде в боковом дворе недавно что-то явно рыли.

— Останови машину, — приказал я, когда фары осветили развалины.

Отец Донован неуклюже повиновался. Страх уже перешел на тело, сковав ноги, руки и мысли.

— Выключи мотор, — велел я, и он выключил.

Вдруг стало очень тихо.

Какая-то живность стрекотала на дереве. Ветер шевелил траву. Все тише и тише... Молчание было таким глубоким, что почти поглотило рев ночной музыки, вырывающейся из моего тайного естества.

— Выходи, — сказал я.

Отец Донован не шевелился. Его глаза смотрели на огород.

Там виднелись несколько небольших холмиков. В лунном свете земля на них казалась очень темной. А отцу Доновану она должна была казаться совсем черной. Он не двигался.

Я резко затянул удавку сильнее, чем он ожидал, сильнее, чем он был готов выдержать. Спина священника выгнулась, вены на лбу побагровели, он решил, что пришла смерть.

Но он ошибался. Пока нет. На самом деле еще довольно долго.

Я распахнул дверь машины и вытащил его за собой, просто чтобы он ощутил мою силу.

Отец Донован вывалился на песчаную обочину, извиваясь, как раненая змея. Темный Пассажир рассмеялся, ему это понравилось, а я продолжил исполнение своей роли. Наступил ботинком священнику на грудь, крепко держа петлю.

— Ты выслушаешь меня и сделаешь, как я скажу. У тебя нет выбора. — Я наклонился и слегка ослабил петлю. — Ты должен понимать. Это важно.

И он услышал меня. Его глаза, налившиеся кровью и болью, встретились с моими в момент просветления: сейчас он увидит все, что должно с ним произойти. И он увидел. И понял, насколько для него важно вести себя *правильно*. Он начал понимать.

— Теперь вставай.

Медленно, очень медленно, не отводя от меня взгляда, отец Донован встал. Мы стояли так — глаза в глаза — довольно долго, почти слившись в одно существо и одно желание. И тут он дрогнул. Попробовал поднести руку к лицу, но не донес.

— В дом, — очень тихо произнес я.

В дом, где все было готово.

Отец Донован опустил глаза. Попытался еще раз посмотреть на меня, но уже не смог. Повернулся в сторону дома, но остановился,

вновь увидев темные холмики на огороде. Опять попытался взглянуть на меня и снова не смог — после вида этих черных, залитых лунным светом кучек земли.

Двинулись к дому, он — у меня на поводке. Священник шел, покорно опустив голову, — хорошая и понятливая жертва. Пять покосившихся ступеней вверх, по узкому крыльцу, к входной двери, которую кто-то захлопнул. Отец Донован остановился. Глаза вниз, на меня не смотрит.

— В дверь, — мягким командным голосом сказал я.

Отец Донован задрожал.

— Заходи в дверь, — повторил я, но он не смог.

Перегнувшись через священника, я распахнул дверь. Ногой втокнул отца Донована внутрь. Он споткнулся, устоял и остановился уже внутри, плотно стиснув веки.

Я закрыл дверь. На полу рядом с дверью я оставил фонарь и теперь поднял его и включил.

— Смотри, — прошептал я.

Отец Донован медленно и осторожно открыл один глаз. И замер. Время остановилось для отца Донована.

— Нет, — произнес он.

— Да, — настаивал я.

— О нет! — воскликнул он.

— О да.

— Не-е-ет! — заорал он.

Я поддернул удавку. Крик как обрезало, и священник упал на колени. Хрипловато захныкал.

— Да, — сказал я. — Ужасное месиво, правда?

Его лицо исказилось в попытке закрыть глаза. Он не мог смотреть, только не сейчас, только не на это. И немудрено, зрелище действительно *жуткое*. Но он должен это увидеть. Должен. Не ради меня. И не только ради Темного Пассажира. Ради *себя самого*. Он должен увидеть. А он как раз и не смотрел.

— Открой глаза, отец Donovan, — велел я.

— Пожалуйста... — заныл он.

Это очень подействовало мне на нервы, хотя не должно бы; ледяной самоконтроль куда-то подевался: вот так ныть при виде этого месива на полу!.. Я сбил его с ног, с силой затянул удавку, правой рукой схватил за затылок и шарахнул лицом прямо о грязный покоробившийся пол. На лице священника появилась кровь, и это взбесило меня еще больше.

— Открой глаза! Открой их. Открой их *немедленно*. Смотри! — Я за волосы откинул ему голову. — Делай, как тебе говорят. Смотри. Или я отрежу тебе веки.

Это прозвучало убедительно. Сработало. И он сделал то, что ему сказали. Посмотрел.

Я хорошо потрудился, чтобы получилось нормально, но для этого пришлось работать с тем, что было. У меня бы вообще ничего не вышло, если бы они не пробыли там достаточно долго, чтобы все высохло. Но какие же они были грязные!.. Мне удалось очистить почти всю грязь, однако часть тел пролежала в земле так давно, что уже нельзя было сказать, где начиналась грязь, а где кончалось тело. Об этом невозможно не думать, правда... Такая грязь...

Их было семеро, семь маленьких тел, семь удивительно грязных приютских детишек, выложенных на резиновые коврики для душа, чистые и непромокаемые. Семь ровных полосок поперек комнаты.

Указывающие на отца Донована. И вот он знает. Он скоро будет с ними.

— Святая Мария всемилостивая!..

Я резко дернул удавку:

— Не надо этого, отец. Не сейчас. Сейчас — момент истины.

— Пожалуйста, — прохрипел он.

— Да, проси меня. Это хорошо. Намного лучше. — Я снова дернул. — Думаешь, это все, отец? Семь трупов? А они просили?

Ему нечего было сказать.

— Ты уверен, что это все, отец? Всего семь? Я всех выкопал?

— О Боже!.. — прохрипел он с болью, которую было приятно слышать.

— А что в других городах, отец? Как насчет Фейетвилла? Поговорим о Фейетвилле? — (Он только всхлипнул.) — А как насчет Ист-Оринджа? Там их было трое? Или я кого-то пропустил? Четверо в Ист-Ориндже, а, отец?

Отец Донован попытался издать крик. В получившемся слабом звуке звучало настоящее чувство, правда при плохой технике исполнения. Потом отец Донован свалился лицом вниз, и я дал ему немного понюхать, прежде чем рывком поставил на ноги. Стоял священник, шатаясь, совершенно не контролируя себя. Он обмочился, по подбородку стекла слюна.

— Прошу вас, — проговорил он. — Я не мог ничего с собой поделать. Просто не мог. Пожалуйста, вы должны понять...

— Я понимаю, отец, — сказал я, и в моем голосе теперь уже было что-то от голоса Темного Пассажира.

Священник замер. Медленно поднял голову, и то, что он увидел в моих глазах, успокоило его.

— Прекрасно понимаю. — Я приблизился к нему вплотную, и пот на щеках священника, казалось, превратился в лед. — Видишь, я тоже ничего не могу с собой поделать.

Теперь мы почти касались друг друга. Исходящая от него вонь ударила мне в нос, и я, снова натянув удавку, сбил его с ног. Отец Донован растянулся на полу.

— Но дети?! Я никогда не смог бы сделать такое с детьми. — Я поставил свой тяжелый чистый ботинок ему на затылок и надавил что было силы. — Дети — никогда. Мне нужны такие, как ты.

— Кто вы? — прошептал отец Донован.

— Начало, — ответил я. — И конец. Познакомься со своей смертью.

Игла была у меня наготове, она как нужно вошла ему в шею, легкое сопротивление сведенных мышц, но не самого священника. Нажатие на поршень — и шприц заполнил отца Донована быстрым и чистым покоем. Буквально через мгновение его голова поплыла, лицо повернулось ко мне.

Действительно ли он сейчас видит меня? Двойные резиновые перчатки, аккуратный комбинезон, гладкую шелковую маску? На самом деле видит? Или он увидит меня только в другой комнате, комнате Темного Пассажира, Чистой Комнате? Со стенами, выкрашен-

ными два дня назад в белый цвет, вымытой, надраенной, проветренной, такой чистой, что чище не бывает. Посередине комнаты, окна которой заклеены плотными прорезиненными листами белого цвета, под яркими лампами на столе, который я сам сделал, видит ли он меня? Коробки с белыми мешками для мусора, бутылки с химикалиями и выложенные в ряд пилы и ножи? Видит ли он меня?

Или он видит только те семь грязных комков, хотя кто знает, сколько их всего было? Или, в конце концов, видит, как сам безмолвно превращается в такую же массу там, на огороде?

Конечно же нет. Его воображения недостаточно, чтобы представить себя в таком виде. И в какой-то степени он прав. Ему никогда не стать тем ужасным месивом, в которое он превратил детей. Я никогда так не смог бы, не позволил бы себе такого. Я не такой, как отец Донован, не такое чудовище.

Я очень чистоплотное чудовище.

Чистоплотность требует времени, но стоит его. Стоит, потому что Темный Пассажир будет доволен и надолго успокоится. Стоит просто для того, чтобы делать все правильно и аккуратно. Убрать еще одну кучу дерьма из этого мира. Всего несколькими аккуратно упакованными мешками для мусора больше —

и мой маленький уголок мира станет чище и счастливее. Лучше.

У меня около восьми часов, прежде чем придет пора уезжать. И чтобы сделать все правильно, мне потребуется все это время.

Клейкой лентой я привязал священника к столу, срезал всю одежду. Предварительную работу сделал быстро: побрил, помыл, обрезал все, что неряшливо торчало. Как всегда, я почувствовал, как прекрасный, долгий, медленный прилив начинает наполнять мое тело. Пока я работаю, он будет вибрировать во мне, поднимать и увлекать с собой, и так до самого конца, пока не угаснет и не превратится в отлив, на волнах которого уплывут и Жажда, и священник.

А перед тем как я принялся за серьезную работу, отец Донован открыл глаза и посмотрел на меня. В них уже не было страха — такое иногда случается. Глядя прямо на меня, он пошевелил губами.

— Что? — спросил я, придвинувшись ближе. — Не слышу тебя.

Он вздохнул, медленно и мирно, а потом снова произнес это... и закрыл глаза.

— Не за что, — ответил я и приступил к работе.

ГЛАВА 2

К половине пятого утра со священником было покончено. Все чисто. Я чувствовал себя намного лучше. Потом у меня всегда так. Просто тащусь от убийства. Оно вышибает из милшки Декстера его темные заморочки. Дивная разрядка, когда внутри открываются все эти гидравлические предохранительные клапаны. Я люблю свою работу, и извините, если это вас трогает. Нет, правда, извините. Но так уж сложилось. И конечно, речь идет не о каком-то обыкновенном убийстве. Мое убийство совершается должным образом, в должное время, с должным партнером — все это слишком сложно, но крайне необходимо.

Однако всегда немного опустошает. То есть я устал, хотя напряжение прошлой недели ушло, холодный голос Темного Пассажира успокоился, а я снова мог стать тем, кто я есть. Ловкий, забавный, беспечный и мертвый внут-

ри Декстер. Уже не Декстер с ножом, не Декстер-мститель. Нет — до следующего раза.

Я вернул все тела на огород, добавив им нового соседа, прибрал как мог разваливающийся домишко. Все свои вещи сложил в машину священника и поехал в южном направлении туда, где на небольшом боковом канале стоял мой катер, семнадцатифутовый «Уэйлер» с небольшой осадкой и мощным движком. Прежде чем подняться на борт, я столкнул машину священника в канал. Убедился, что она исчезла в воде. И только тогда завел движок и вывел судно из канала, направляясь на север, поперек залива. Солнце только вставало, отражаясь в надраенных деталях катера. Я надел свое самое доброе и счастливое лицо: ни дать ни взять — ранняя пташка-рыболов возвращается домой. Кто еще поймал такого тунца, как я?

К половине седьмого я уже был дома в Коконат-Гроув. Достал из кармана препарат — обычную чистую полоску стекла, в центре которой аккуратная и одинокая капелька крови священника. Такая симпатичная и чистая, давно высохшая и всегда готовая попасть под мой микроскоп, когда мне захочется воспоминаний. Я положил препарат к остальным тридцати шести четким и аккуратным, очень сухим капелькам крови.

Потом был особенно долгий душ, горячая-горячая вода смывала с меня остатки напряжения, расслабляла клубки мышц, уничтожала последние, еле ощутимые остатки запахов священника, огорода и небольшого домишки на болоте.

Дети. За это его стоило убить дважды.

Что бы ни сделало меня тем, кто я есть, оно опустошило меня, лишило чувств. Не считаю это таким уж крутым делом. Уверен, подавляющее большинство ежедневных человеческих контактов притворные. Я притворен просто всегда. Я классно притворяюсь, полное отсутствие чувств.

Но я люблю детишек. У меня их никогда не будет — сама идея секса для меня не существует. Только представь себе это дело — да как ты можешь? Где твое чувство достоинства? Но дети, дети — это особое.

Отец Донован заслужил смерть. Гарри со своим кодексом, да и Темный Пассажир должны быть довольны.

К семи пятнадцати я снова почувствовал себя очищенным. Выпил кофе, поел хлопьев и отправился на работу.

Здание, в котором я работаю, находится недалеко от аэропорта. Большая современная штукovina, белая, с массой стекла. Моя лаборатория на третьем этаже, в конце. Рядом

с ней у меня небольшой кабинет. Не то чтобы кабинет, просто маленькая клетушка, отвоёванная от основного помещения лаборатории крови. Зато моя, ни с кем не делится, никто сюда не допускается, не лезьте на мою территорию. Стол со стулом, еще один стул для посетителя, если тот не слишком крупный. Компьютер, полка, шкаф для папок. Телефон. Автоответчик.

Автоответчик с мигающим индикатором. Сообщение на автоответчике для меня — не особо привычная штука. По ряду причин в мире очень немного людей, которые могли бы придумать, что сказать лаборанту, специализирующемуся на исследовании образцов крови. Одна из немногих, у кого есть что сказать, — Дебора Морган, моя сводная сестра. Коп, как и ее отец.

Сообщение — от нее.

Я нажал кнопку и услышал дребезжащую музыку в стиле техно, потом — голос Деборы.

— Декстер, пожалуйста, как только появишься... Я на месте преступления на Тамиами-Трейл, у мотеля «Касик». — Пауза. Было слышно, как она прикрыла микрофон рукой и кому-то что-то сказала. Потом снова взрыв мексиканской музыки и снова ее голос. — Можешь выбраться сюда прямо сейчас? Прошу тебя, Декс!